Ольга БРАГИНА

Ольга Брагина – поэт, прозаик, переводчик. Родилась в Киеве. Автор книг «Аппликации» (2011), «Неймдроппинг» (2012), «Фоновый свет» (2018). Публикации в журналах «Воздух», «Новая Юность», «Интерпоэзия», «Дети Ра», «День и ночь», «Зинзивер» и др. В «Волге» публиковались стихи (2015, № 11-12; 2018, № 9-10).

МОЖНО В ЛЮБОЙ МОМЕНТ ВЫЙТИ ИЗ ДОМА

***

зря что ли тебя в средней школе ставили на гречку возили на Черную речку
чтобы воспитать эффективного человечка работницу мать
чтобы ничего плохого не знать не ведать по режиму обедать
страдания вредны и чувство вины и многосложные сны
серьги серебряных пуль в мочках ушей говорили тебе пошей платье с воланами
с этими снами странными не оглядывайся назад там огни не горят
там столько дней подряд забытые праздники в которые дарят привычный одеколон
потом сертификат в спа или фитнес
лёд расходится ты говоришь хоть теперь спаси нас
эти холодные черные воды реки твою кровь заменяют собой неба севера контур слепой
манит ретушью темной пустой синевой
это камни которые тянут ко дну там тепло и спокойно наверное
там наваристый суп на первое потом пюре с котлетой компот там каждый как должно живет
«нет никакого мифического народа, я – это и есть народ», – повторяешь про себя
февральская мерзлая земля обжигает ладони
нет кажется это не я за руку тебя держала всё что ты велишь выполнить обещала
страна дарила тебе дорогие ленты потому что здесь никем ты не станешь
будешь повешен после на них после износа уже не дорогих
это и есть высшее проявление любви подумай только недолго
зря что ли тебе внушали чувство долга чувство что всё верно иначе никак
зря что ли выжигали словно третий глаз на лбу невидимый знак
по которому ближестоящих узнавали в золотой фольге невкусные эти медали
самым лучшим горстями потом раздавали

***

эта детская щелочь страны победившей крови
ты всегда хранишь паспорт и карточку наготове
еще загран пока не закончился его срок учишься читать между строк
понимаешь что так надо что мир жесток
чтобы не спрашивали каких ты кровей или стенки левей
чтобы не вырезал по фунту барбершоповский брадобрей
на курсах ненасильственной коммуникации нас учат становиться добрей
каждому дню улыбаться никакой полиции не бояться
показания потом все равно разнятся
эта детская щелочь страны где все должны были быть равны
каждому от рождения первородное чувство вины
держаться можно только за рукоятку ручку к которой язык твой примерз
несколько лепестков ромашки несколько вялых роз

держишься за груз который не нужен только он и держит тебя на плаву
твоих друзей и соседей давно отправили на войну
иногда от них приходят вести один вернулся второй убит
выходишь вечером в продуктовый мирное небо спит

***

когда мы были молодыми эффективными менеджерами этой страны
когда было восемь лет до начала войны
когда мы выходили утром из трамвая за счет гормонов стресса и свежевыжатых соков выживая
когда дегустаторы предлагали нам сыр и сою уже двадцать шесть только одна жизнь у тебя есть
нельзя объять необъятное не съеденное доесть
мы читали классику литературы двадцатого века утром дергалось веко от недосыпа
весной ждали авитаминоза осенью гриппа
в нашем парке цвела липа мы собирали ее и заливали спирт
верили что у того кто делает так ничего не болит
или это была акация их цветы похожи мы были словно дети без кожи
одна страна умерла другая не родилась под окном лежала зимняя грязь
смотрела в зеркало не понимала откуда ты такая взялась
нет нас не учили любить кого-то объясняя жизнь это работа
и если ты не справишься с ней у тебя спишут деньги со счета
солнце вставало и заходило над этой страной
обещая дополнительный выходной

***

как существуешь в теле словно в трехзвездочном отеле мы поедем в Прагу но пока на мели
они содрали с кожей фрески мылом дегтярным как они могли
они проверяют все ли на месте полотенца тебе некуда из этого тела деться
учись разговаривать с ним на языке глухонемых
оно сигнализирует что устало тебе говорят у тебя мало запала
о чем ты можешь судить если тебя осколком не задевало взрывной волной не сносило
отражение в зеркале тебя не узнавало с каждого не отмеченного на карте вокзала
мы думали не уедем отсюда никуда со лба капала вода
как ты существуешь в теле словно в сердце твое смотрели
всё о тебе ведали как пирожными Sacher вместо хлеба обедали плоти крови чужой отведали
вот тебе медаль золотая вот февраль пока мы не видели рая он таков
когда падут осколки оков когда свобода больше не спросит кто ты
зачем обходишь соседские огороды
по вечерам отдаешь купоны на храм
пересчитывая мелочь где первый универсам
как существуешь в теле словно в свободной артели пошива шуб
каждый то любит то скажет что глуп
а ты то ли человек то ли живой полушубок из цигейки завернутый в артерию мехом
могла бы пользоваться у скорняков успехом но где там
как существуешь в теле своем словно водоем
пишешь письма друг другу словно ты здесь вдвоем
нет мы не собираем фишки стикеры не берем

идем по кромке озера видим пустой дом

***

мы забыли родную бель Франс столько дел невозможных у нас говорит Гертруда:
мы росли поперек этой страны выжили говорили это выжимки сколько вас
вас много, а я одна, затем ли я вас растила, чтобы твоего друга забрала могила
восемнадцатилетний афганец, в одном отделе ГУМа купили ранец
еще бубнил там ту би ор нот ту би иностранец
сын мой разве тебя кто попрекал, почему ты живешь с мамой
разве воздух нашей страны был для тебя отравой
разве девушка, чистая, словно лён, спрашивала, или ты разведен
разве тебя обвиняли со всех сторон
говорит Гамлет: я не знаю, кто нами правит
призрак отца – но кровь нам не пить с лица
здесь каждая ждет заезжего молодца
какого-то там юнца, чтобы столетней войны, столетнего мора,
им только дай волю, Офелия говорит: нам нужно собраться и поговорить
просто поговорить и всё сложится, в родничке затянется кожица
нас держали тут под норильским морозом лампочка на двенадцать,
научили ничего не бояться
переводить «Дон Жуана» по памяти, насвистывать арии из «Паяца»
мы сильны, но у нас нет прав, хотя для всех здесь один устав
а разве не ко мне ты приходишь жаловаться, устав
говорит призрак отца: этой смерти не будет конца
этой теплой войне за наследство, но все наши травмы из детства
Офелии, превращенной серой в лужицу на полу
тело собирает в подворотнях встречную мглу
говорит Офелия: я ли не была слову верна
я ли не собирала морошку в детдомовском одеяле
я ли не зажимала твои уши ладонями, когда не стреляли
я ли колыбельные тебе не пела, не для моего ли тела,
сочного, как перепел или куропатка, соус из пороха и крови был всегда наготове
не меня ли ловили на каждом слове
не нас ли строила эта страна, словно завтра война
завтра в поход, тебя превратят в пепел вот-вот,
а говоришь: «не трогай мои коленки, вот идиот»
если нас атомной бомбой на миллионы звездных частиц не разорвет,
у нас будет дочка, у которой будут мои глаза,
цвета воды – кажется, бирюза

***

обними меня говорит словно ничего не болит
словно лошадки да олени карусели детской скрипят усталость металла преодолевая
словно линия жизни их ножевая линию горизонта пересекает
заката кровавый след мы любим то чего нет
у нас нет особых примет по которым узнать нас могли бы
мы дышим во тьме как рыбы выброшенные на берег прибоем
иногда от немоты врожденной воем в теле одном вдвоем сиамскими близнецами
разбитыми о стену сердцами сервизов советских любовью отжившей свой век
где ты живешь теперь балерины пастушки обнять пустоту не отпускать никогда

пустота обретает очертания города в котором мы учимся есть ножом и вилкой
идем за прививкой кормим в парке голубей
корни оплетают асфальт нам не жаль ни любви ни покоя дремлем в троллейбусе стоя
этот троллейбус наверное ездит по кругу мы столь же чужие друг другу
как были и будем передаем талончик рядом стоящим людям
обними говорит пустоту этот город и этих пастушек фарфоровых
детские книги не читаны прежде теперь уж зачем от морщин чудодейственный крем
нет семерка не едет туда вы ошиблись маршрутом его расписав по минутам
но сердце мое невозможною нежностью полнится к этой земле
к искусству ее и ремеслам ты ей в оправдание послан
собери ее по крупицам словно петли на спице считать никого не узнавать
заново создавать речь детские локоны беречь
обними и не отпускай ничье весенним паводком глинистым ручьем
сознанием разорванным в клочья
город придумавший тебя разве могу помочь я все клеточки заполнить
вот память вот другая память они не пересекаются вот ель-красавица
вот гастроном вот хоровод кто в теремке живет разбивает весенний лёд
кто не поймет если ты протянешь руки совсем не поймет

***

мама забери эти игрушки эти мертвые тушки зверей
мы должны стать добрей принять эту жизнь помириться с ней
красные тельца ртути собрать у дверей
отчего у тебя глаза красны мало спишь сны такие
мама забери их домой они не разговаривают со мной
молчат только согласно кивают в такт головой
я родилась совой жаворонком не стала сердце еще внутри пустоты устало
никого не любить потому что себя нам мало
мама забери эти обломки лего тень первого снега
у нас что ни день то всему помеха что ни день то война
спрячь их от солнечного света надо же их приютить где-то
их вина еще не доказана
их кровь по асфальту набойками чужими размазана
как память о том что здесь ничего не исправить любовь это любовь
поэтому иглы готовь и раствор мы не видели солнце с тех пор
мама забери их отсюда заканчивается разговор не докричаться
я хотела бы уметь ничего не бояться
в поручни руками так не впиваться
незнакомым людям приветливо улыбаться
плотью ягненка в герметической упаковке на скидочной полке
купите себе немного праздника обиды обновки
научи их забывать плохое оставить себя в покое
выбрать себе для счастья другое такое же грустное тело брошенное во тьму
хорошо сдачу стикерами возьму
кому тут жаловаться правду скрывать о себе кому
где на двери написано выход я уже не пойму
из тепла выходишь в зимнюю тьму
замечаешь объявление «маникюр на дому»

***

Донна встречается с агентом Купером глазами говорит кажется вы сейчас не с нами
где-то витаете в облаках каждой надежды крах оставляет кровь засохшую на губах
желеобразное небо севера застывает во мрак медленно сохнет красный лак
нет мы не такие как наши родители у нас всё будет не так
мы остались где-то в портале стерегущего лес так и не переиграли
нужно было тогда свернуть в самом начале изо всех своих одиночеств
выбрать не самое сложное для понимания что да как
ломать ветки оставлять на коре зарубки времени прошедшего брак
выбрасывать за насыпь эта любовь к себе никого не красит
это отчаяние никого не молодит вот на опушке дом какой-то стоит
принцесса спит в стеклянной банке из-под просроченной манки
стилет в груди только счастливая жизнь впереди говорит нет не гляди
как я постарела как мое детское тело жизнью болело как дешевый трикотаж село
у нас тут берутся все загадки разгадывать смело
кроить ткань бытия нет это была не я разве это могла быть я
на курсах кройки и шитья последней была обрезки собирала из-под стола
на дом только скуку брала из чьего я сотворена ребра лишнего
по утрам покупаю пирог с вишнею и среднюю колу слишком часто прогуливаю школу
нет моя подпись больше не соответствует протоколу
нет мы не будем такими пустыми как праздничная коробка птичьего молока
начинать издалека и ни к чему не приходить только научишься это время любить
а оно тебя разрежет на части разложит в пакеты никто не напишет сообщение «где ты?»
потому что ты никому не нужен через неделю найдут твой остывший ужин
через неделю это будет уже в апреле
скажут поговорить о важном так и не успели о чем-то важном только тебе да им
почерком своим косым рассказать вселенную
не ради красного слова ничто здесь не ново
нет я не нашел ничего такого ни одной зацепки
только в сжатой руке какие-то канцелярские скрепки
да улыбка словно увидели что-то такое о чем нам еще не узнать
завтра будильник на пять
ты проводишь кисточкой разрушая мирную гладь

***

наша публика занимает места телефоном светит в билет
спрашивает есть ли буфет ветчина из папье-маше несколько окаменевших конфет
сейчас на сцене будет признание в любви потом кого-то убьют потом антракт через двадцать минут
здесь не дают опомниться заскучать не дают
снимать лица актеров крупным планом фото- и видеосъемка запрещена
возмущаются из-за чужих рингтонов несмотря на запрет
кто-то всё равно берет трубку объясняет что в театре разговаривать времени нет
актеры повторяют текст сто раз повторенный подчеркнутый внутренней немотой
аварийный выход горит во тьме простуженных коридоров
кто приближается к вешалке раньше всех это наш бесполезный норов тонкость локтей пестрота затей
самовлюбленные капризы взрослых детей кровь из вены картонные Карфагены темное облако дыма где остров Святой Елены
нашим зрителям никого не жаль потому что скоро февраль этот город не годится для жизни

отдай свою клюквенную кровь своей картонной отчизне потом включается свет
я достаю телефон читаю рекламу такси «Секрет»

***

собери себя заново из воспоминаний детства плюшевых медвежат
разбитых коленок северной столицы застенок сливовой косточкой в горле болит
каждый первый будет убит каждый второй забыт
собери себя заново между Обводным каналом и Мойкой маршрутка скучающих душ
водостойкая тушь на ресницах
если номер нечетный уже ничего не случится
собери себя заново смыслом наполни случайные фразы в случайном порядке молчи
не теряя надежду как будто от прежних квартир ключи
это книги твои это фальшивого жемчуга нить
счета за воду мемуары опального князя хлеб на столе
за столом говорят если о Наполеоне лучше читать Тарле
потом выходят в осеннюю мглу растворяются в ней
сколько дней оставалось для счастья считай их потом зачеркни
аварийные эти огни за окном ни к чему не обяжут мы вяжем сейчас горловину
отстали вы в общем отставшим мы кости полощем на солнце кладем
собери себя заново в памяти прежней храни эти книги и жемчуга нить
ничего не забыть не забрать на квартиру другую
отражением стать говорить я тоскую по телу и шарфу
и варежкам теплым и детям что санки везут едкий воздух вдыхая
это линия жизни ты спросишь нет здесь пересадка другая

***

вот вы и живете при коммунизме, дорогие потомки
манной каши комки, орбитальных станций обломки
бесконечная юность перебивает дыхание, словно узел шнуровки
вот вы и живете там, гадаете по городам, из которых вестей не дождаться
на канале «Культура» трансляция лучших арий «Паяца»
резкие перепады температур, Меркурий в четвертом доме
лекция «Умные грибы в истории мира», кто мы,
чтобы судить надежду на счастье, вот его клочок за батареей
руки над темной водой до окончания мира греем
вам досталась эта судьба запомнить то, что помнить не надо
как новогодние подарки из гуманитарной помощи, шоколада
молочный вкус, откуси голову всем, кто не согласен
подливу с эзоповым языком позднесоветских басен
отнеси обратно, живет ли кто в этих домах, по вечерам свет не горит
лебеди из покрышек, и домофон разбит

***

кем ты хочешь стать когда вырастешь
говорить взрослые это мы у стен прежней тюрьмы
строить новые стены клумбы окучивать цветы сажать
одним закон другим благодать
в этом сезоне фиолетовый в моде как у тебя дела на работе

здесь курить запрещено дети в соседском сквоте включают проектор смотрят кино
очередное кино скучно всем а куда не пойдешь со скуки
тишину различая в звуке немоту в рифмованном тексте
но будем мы вместе еще непременно пускай мы боялись взрослеть
кровь на наших набойках чужая
никого здесь не узнавая даже себя в зеркалах старых школьных столовых
где пахнет вчерашним борщом
но придется грустить нам придется грустить ни о чем
кто первый скажет я угощаю это кровь нового урожая
когда пена сошла мы слушаем старый винил
грустим немного о том что нас никто не любил
кроме маркетолога фокус-группы
пересыпаем в жестянки из целлофана крупы
кем ты хочешь стать решай только воду доведи до кипения размешай
эта бесконечная смена дня и ночи очередной не собранный урожай
за окном туман словно балтийский чай разбавленный дымом
я научусь писать бумажные письма своим любимым
словно кто-то будет их жечь над открытым огнем родную речь вспоминая и тьма иная
тепло обнимет тебя всё лишнее забирая

***

говорит запомни меня живой с этой отрубленной головой
готовила для Хэллоуина потом потянула спину
все-таки это развлечения уже не для наших лет
прихожу в театр первым делом спрашиваю где буфет
старый добрый советский буфет с бужениной и сыром «Шостка»
красная линия проходит по горлу спрашивает лежать вам не жестко
в камере одиночной отопления нет кто-то пишет тебе сонет
кто-то приносит винтовку в школу
угощение в пачке с легкими на этикетке столько лет
а до сих пор боишься укола
мы ничего тебе не продадим вдыхай отчизны дым
бог весть какой отчизны дым теперь их много
под окнами сломан светофор не выходи из комнаты там дорога
на обочине мертвые птицы Мария она говорит я совсем потеряла стыд
перехожу дорогу вместе со всеми не смотрю что там за цвет горит
что там за тени в переходе подземном
играют французскую классику на пианино
твой сын займет престол но у тебя нет сына
собери всю кровь этой столетней войны сделай из нее грим
о чем-нибудь хорошем поговорим
о прошлом которое здесь как тушь в картонном коробке
оставь реквизит иди налегке
с мятной конфетой спросит в какой руке

***

ты был моим guilty pleasure, но мы виделись с тобою всё реже
как в старых ремарках пишут, что Иванов и те же
на осенних бульварах кислую красную жидкость наливая в пластик стакана,
сначала отказываться, говоря, что просыпаться рано,

потом пригубить, история не знает, как могло бы всё быть иначе
мы идем за добавкой в киоск, сколько там оставалось от сдачи
так мы ходим по кругу – здесь выхода нет, в переулок сверни, исчезни
возле метро молодежь поёт советские песни
сколько мы взяли фальшивых нот, чтобы никогда не видеть друг друга
пустое стекло под ноги твои упадет и разобьется глухо
мы уходим, сор за собой собрав, поговорив о том, что будущее нелепо
обещая себе купить сбор целебных трав, полезного фитнес-хлеба
я говорю, что давно тебя не люблю, но когда слова здесь значили что-то
возле метро молодежь поёт, из шапки пересчитывает по рублю у закрытого входа

***

люди с красивыми лицами живут в пустых городах не видятся больше с соседями по лестничной клетке
выносят объедки животным каких-то пород всё равно здесь никто не живет но побег невозможен в итоге
иногда в дверь звонят предлагают поговорить о Боге предлагают брошюры из девяностых вздыхают что тогда всё было в общем-то просто
люди с красивыми лицами говорят что их тут нет все ушли на войну никто не признал свою вину
но это неважно признание уже доказательствам не царица
если во мрак твоей души углубиться разве не ты виновен во всём
разве не мы первородный грех как паленый Stone Island по району несем
разве не мы каждый день этот мир разрушаем в порыве бесстрастной любви нарушая все правила быта
но посмотрите на стол ваша дама убита
люди с красивыми лицами мониторят билеты на лоукост напевают под нос песню родителей «мир не прост»
не выносят после захода солнца сор из квартиры
листают брошюру думают написано сыро
идут перечитывать избранные места из «Войны и мира»

***

кто-кто в этом теремке живет твои любимые игрушки не отдает требует пояснить за шмот
кто-кто из твоей чашки «Любимой сестре» пьет
так крепко заваривает бергамот вместо тебя в офис идет
вечером пьет вино с твоими друзьями из пакета на Яме или в дорогом ресторане
кто-кто в твоей голове живет не сеет не жнет
уснуть не дает и проснуться не дает
говорит тебе пошел бы ледоруб к твоему изгибу бровей
говорит вокруг слишком много людей
кто-кто достает из облака твои стихи и читает
но в лицо тебя никогда не узнает вечером краску с лица смывает
что не делает нас сильнее наверное убивает
смотрит в зеркало говорит я далеко
жила-была курочка Ряба в золоте жила кококо

***

понимаешь и вспомнить нечего будет как мы ездили в разные города
тщательно продумывали маршрут покупали билеты туда
и обратно сразу чтоб на дольше чем нужно в этом городе не застрять
и выбирать новый город для поездки опять
понимаешь и вспомнить нечего будет как мы говорили с чужими людьми ни о чем
питались в забегаловках бывшего Союза холодным борщом
думали что должен быть смысл какой-то должен быть какой-то секрет
не научились темноты не бояться по ночам экономить свет
вместо того чтобы в рифму складывать то чего нет
вспомнить нечего будет кроме грусти осенней слякоти листьев на каблуках
линии жизни линии сердца линий изломанных на руках
рецептов из журнала «Работница» это шарлотка это фаршированный баклажан
карты никогда не виденных в жизни стран
так и вспомнить нечего будет и никому о небывшем не рассказать
бабочка летает над чашкой смотрит в мутную гладь
бабочка кружится над чашкой а потом на подоконнике упадет
холод крыльев узорчатых в чашке с вишнями лёд

***

кому принадлежит эта страна
кому принадлежит эта вечная вина
разрисованная мишенями стена, целься прямо в сердце
кто расставил на дороге силки, мимо которых едут грузовики
девушек выбрасывают на дорогу говорят вот подумаешь недотрога вас тут таких много
кто расставил эти силки для покемонов в храме-тюрьме, на ничейной земле
не слушай эти голоса в голове, которые велят слушать старших,
потом переключаться на военные марши
не слушай их, что бы там ни было дальше
кому принадлежит эта вечная вина, отрицание, бегство
в переходах, где рук не разжать, я не помню, как звали тебя
кровь на светлой рубашке, всё придется сжечь
твое фото повесил на стену кто-то
на стену разобранного по кирпичику сквота
нет, не твоя она и не общая наша, сердца холодная сажа
на теплом асфальте страны, где не любят тебя
ну чужой ты здесь просто, здесь рады люди простым понятным вещам
собирают деньги на храм, едят креветок-гриль,
на мосту разбивают кредитный автомобиль, в артерии осколок стекла
разве ты полюбить бы могла это серое небо и дым
но дорога здесь всюду у нас молодым, говорят, на цветах распыляют яд
повтори всё, что запомнила, несколько раз подряд

***

посмотри Бонни как много боли в мире этом как много пуль разрывных каждый кто погибнет от них
кто пытался прошептать что-то важное но затих
прежде чем любящий взгляд смерти его выхватил из толпы таких как ты полуживых
мы потом узнали из книг как всё было на самом деле

посмотри Бонни что это за квартира на пятом этаже
без отопления но с соседями-стукачами с их выпечкой и свечами по количеству лет
нет каждому здесь нужен пистолет или окно с выходом на крышу
но я ничего больше не слышу открываю блокнот
думаю что-то напишется вот сейчас ведь в каждой жизни должен быть смысл
если можешь молись или ванну водой горячей наполни
посмотри как о тело твое плещутся волны
посмотри Бонни как мало в мире любви как много штрих-кодов без выигрышей под ними
никому не уйти живыми в форме сердечка сердоликом
и прочими мелочами только сердцу бывшему дорогими что унесут соседи для распродаж
но ты ведь так просто не сдашься правда всё это не отдашь этот мираж
рассеется скоро из-под принесенного нами сора вырастет синий цветок
к нему подведут ток никто в этом не виноват
посмотри моя Бонни как огоньки горят

***

мы не пишем друг другу письма несколько лет не обсуждаем просмотренные фильмы тридцатых-сороковых
обсуждать черно-белые фильмы это опция только для живых
мертвые актрисы с грустью в глазах или с комсомольским задором говорят что любовь сильнее чем смерть
я знаю все их реплики но продолжаю дальше смотреть
мы не пишем друг другу письма наверное нам больше нечего обсуждать
твоя книга вот уже скоро год как ушла в печать
продается на амазоне я прочитала ее несколько раз
почему получается так что наши книги добрее нас
мы не пишем друг другу письма которые можно будет издать эпистолярный жанр устарел
наверное любовь один из видов бытованья белковых тел
и не самый лучший наверное судя по тому что сейчас излишним многим кажется он
но какое было счастье думать что не только в себя влюблен
волноваться о том чтобы ты что-то съел на обед
как в детстве разглаживать фантики от принесенных тобой конфет
смотреть на актеров черно-белых засыпать под их остроумный разговор
мы не пишем друг другу письма или пишем их до сих пор

***

говорит мы не будем жить в этой стране ни дня разве это наша земля
за что она поила нас березовым ядом колокольчиком-лимонадом
прощала нам нелюбови и самострелы выдавала справки что все целы
ни кровинки в лице так белым-бело на губах
что мы строили здесь брачный чертог или склеп кирпичей подвозили неполный прицеп
оправдывались за каждый пропущенный день объяснительные писали
давай вернем всё как было тогда как было в самом начале
во времена первой любви революции на граните
гранитных стен йодной сеткой для вен
не будет здесь никаких тебе перемен только переучет

ушла на пятнадцать минут нечего ждать но всё равно ждем у окошка
говорит да разве нам ее не жаль да мы вспоминаем об этом каждый февраль
поименно всех перечисляем свечи зажигаем выкладываем фото
пусть нас попробует в чем-то винить кто-то
да разве она нам не родная в чем вина ее в чем наша вина
почему здесь в каждом переулке война
кровь на каждых руках сводки с фронта
колокол звонит здесь всегда по ком-то
захлебывается плачем ни мы ничего не значим ни она
кто обвинит нас в чем-то где наша вина
остывшая земля нагреется к лету

***

они тебя держат в этом темном лесу
иногда предлагают сыграть в колобка и лису
в казаков-разбойников, водителя и выживших на последней войне
жен, которым страшно думать «зачем ты вернулся ко мне?»
каждую ночь просыпаться от шума салютов или скрипа входных дверей
они тебя держат в этом лесу, где много хищных зверей

они тебя держат, слишком часто сигареты заканчиваются в этой квартире
в переходах больше не рисуют портреты на листах А4
влюбленные держатся за руки,
а потом разъезжаются по своим домам умирать
в пыльных райцентрах реклама гранит ксерокс печать

они тебя держат, но, кажется, можно в любой момент выйти из дома
без сообщений на странице, никому не сказав ни слова
где-нибудь здесь заблудиться в лабиринте новостроек восьмидесятых
мир забывать среди обрывков газет измятых
выкурить всё до последней, после этого бросить курить навсегда
больше не думать, что это за станция, есть ли еще какие-то города